

Люсия Веденская

ГРАФИНЯ НА ПЕРЕВОСПИТАНИЕ

Люсия Веденская

Графиня на перевоспитание

«Литнет»

2025

Веденская Л.

Графиня на перевоспитание / Л. Веденская — «Литнет», 2025

Очнуться не в привычной современной Москве, а в викторианской Англии – уже шок. А если в теле женщины, про которую рассказывают страшилки? Теперь я – графиня. Вампир. Чудовище, которого боится собственная прислуга. У меня двое приемных детей – трехлетняя малышка и серьезный мальчик лет пяти. Милые, доверчивые... и выращенные на убой. И теперь я, обычная двадцатитрехлетняя студентка с дипломом магистра истории и нулевым опытом материнства, должна: – стать мамой приемным детям; – не сгореть на солнце; – разобраться, кто я теперь вообще такая; – понять, почему один подозрительно красивый джентльмен упорно сует нос в мой гроб. Понять бы еще что за таинственный мистер. Местный полицейский? Рыцарь? Иначе зачем ему меч?...***В тексте есть: #неунывающая героиня-попаданка #благородный главный герой #готический особняк #двое детей #любовь и ХЭ #немного крови, много кофе

© Веденская Л., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1. Кем вы себя видите через пять лет?	5
Глава 2. Непредвиденные обстоятельства	7
Глава 3. Вот тебе и доброе утро	9
Глава 4. Новая жизнь — новый стиль	12
Глава 5. Вопросы задали, а ответы будут?	15
Глава 6. Милостивая госпожа изволит	17
Глава 7. Знакомство с... собой	19
Глава 8. Дьявол носит... черные платья	21
Глава 9. Приглашение на ужин	23
Глава 10. Просим к столу	25
Глава 11. По усам текло, да в рот не попало	27
Глава 12. Собачий вальс	29
Глава 13. Элементы хоррора в комедии положений	32
Глава 14. Детки в клетке	34
Глава 15. Новые знакомые	36
Глава 16. Обсудим ответственность?	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Глава 1. Кем вы себя видите через пять лет?

Когда я поступала на исторический факультет, мне казалось, что это единственно правильный выбор. Ну, а что? Разве могут быть сомнения? Ведь история — это так интересно. Особенно викторианская Англия с ее душными корсетами, обязательным чаем в пять часов и любовными письмами, из-за которых очень хочется плакать и писать диссертацию про выражение чувств через текст.

С момента, когда я приняла решение о поступлении, так быстро пролетело время. И, вот, здравствуйте, я выпускница. Гуманитарий в дикой природе. Безработная, слегка потрепанная сессиями и дипломом, который, кстати, как ты его ни крути, все равно маслом не намажешь и не съешь.

Но на сегодня мы с моими уже бывшими одногруппниками договорились встретиться, чтобы узнать, кто и как обосновался в той самой взрослой жизни. По такому случаю я даже попыталась выглядеть как человек, а не как библиотечный призрак в свитере на два размера больше, в котором я частенько являлась на пары, не успев собраться.

На пути к кафе я мысленно проигрывала разговор. Диалог, справедливости ради, получался не ахти.

— Чем сейчас занимаешься? — мог спросить меня кто-то из знакомых. — Чем занимаюсь? Сплю до одиннадцати и ищу работу, которая очень хорошо прячется. А ты?

Кто-то, возможно, уже устроился помощником помощника музейного смотрителя. Кто-то пошел в аспирантуру, упорно игнорируя тот факт, что бесплатная магистратура закончилась ничем, как, впрочем, и надежда на нормальный график сна. Кто-то, страшно сказать, пошел работать не по специальности. Это, конечно, звучало как трагедия, но зато хоть кто-то из выпускников теперь регулярно виделся с деньгами.

Я шла и думала: а что, если все это зря? Если все эти годы, проведенные в пыльных архивах и мечтах о преподавании (это я еще не говорю об эссе на тему «Формирование буржуазной морали», которое буквально пыталось меня убить) — это была лишь большая, красивая ловушка?

Хотя нет. Зря — это когда ты идешь на менеджера в нефтегазовую отрасль, где нужно коммуницировать с сильными мира сего, а потом выясняется, что ты боишься говорить по телефону. А я, по крайней мере, знаю, кто такая королева Виктория, и могу без запинки рассказать о роли шляп в классовом расслоении. Значит, обучение прошло успешно!

Было ли оно непрактичным? Возможно. Бесплезным? Наверное. Зато у меня от природы отличное воображение. А это почти наверняка важнее всех дипломов на свете.

На встречу выпускников я пришла первой. Решила не жить по старой традиции и не опаздывать: опоздать на пару — это одно, но опоздать на прощальную вечеринку — как-то уж слишком символично.

Кафе оказалось небольшим, с деревянной мебелью под винтаж, подозрительно дорогими круассанами и плакатами с бесконечными надписями на все лады «Лавка времени». Очень в духе нас, историков. Только если бы это была действительно лавка времени, я бы попросила билетик в Лондон 1888-го. Ну или хотя бы абонемент в XIX век, бессрочный. Очень уж хотелось мне своими глазами посмотреть ту эпоху, на которую я и без того потратила несколько лет жизни. Вот только желательно, чтобы это путешествие в прошлое проводилось с возможностью вернуться по нажатию на кнопку «отменить». Впрочем, плакаты были такие же подозрительные, как и круассаны (надеюсь, что выпечка хотя бы была настоящей), поэтому, очевидно, подобный абонемент тут бы никто мне не выдал.

Сразу после меня пришла Кира. Как всегда идеально выглядящая, в легком пальто цвета марсала (она-то и научила всю группу выговаривать самые разные странные цвета) и с новой

короткой стрижкой. Та же самая Кира, что на первом курсе плакала из-за оценки «четыре» и писала конспекты цветными ручками. А концу учебы стала одной из самых сдержанных и знающих себе цену выпускниц.

— Ну что, Леденцова, — сказала она, садясь рядом. — Поздравляю нас! Мы это закончили! Как ощущения?

— Будто выкинули из теплого автобуса в тундру, — честно призналась я. — А у тебя?

— Я иду в UX-дизайн, — Кира сказала это так, словно признавалась в вероотступничестве. — Уже взяли на хорошие курсы. Придумала легенду, что всю жизнь мечтала рисовать кнопки, мне и поверили.

— А как же королева Виктория?

— Переезжает в папку «хобби».

Следом пришел Леня. Такой же раздолбай, как и всегда, в куртке с нашивкой Joy Division и с таким видом, что единственный достоверно знает, где закопан великий Карл Маркс. Хотя, скорее всего, его выражение лица было обусловлено стандартным для всех студентов исторического недосыпом.

— Леня, не говори, что ты идешь в стартап. Или хуже — в преподавание, — сказала я на всякий случай, не желая слушать еще один дизайнерский план на жизнь.

Он фыркнул в ответ:

— Я иду на курсы бариста. За кофе хотя бы платят и не требуют уметь читать по-латыни. Ну и... я пишу музыку. Точнее, звуковые ландшафты. Это как если бы Бах жил в гараже и страдал.

Мы с Кирой хором выдали:
 — Ты уже как Бах.

Чуть позже подтянулась Вика, которая с третьего курса увлекалась готикой и говорила, что будет писать собственную книгу про «миф о смерти в викторианском сознании». Сейчас у нее были фиолетовые волосы и кольцо с черепом, которому позавидовал бы сам Лорд Байрон. Она, явно предвкушая вопрос в свой адрес, заявила почти с порога:

— Я поступила в магистратуру по культурологии. Вступительное эссе было про вампиров.
 — Реальных или литературных? — с подозрением уточнил Леня.
 — А есть разница? — искренне удивилась Вика

Мы хохотнули. Было в этом что-то ироничное: мы, люди с дипломами (кто-то даже с красным), обсуждали вампиров за капучино с миндальным молоком, и никто из нас не соби-рался становиться историком в классическом смысле этой профессии.

Мы действительно почти бесконечно пили кофе, в ожидании, пока подтянутся остальные, вспоминали, как один препод ставил оценки, ориентируясь на длину подстрочника к конкретной работе, или как мы потерялись в Лувре на практической (повезло, что вообще смогли туда поехать) и как кто-то однажды проспал зачет по Средневековью, потому что завис в Skyrim, отыгрывая там один из исторических сценариев для легкого запоминания.

И в какой-то момент я поймала себя на очень простой мысли: мы, может, и не знаем, что будет дальше и не всегда довольны тем, что уже случилось, но это был правильный путь. Наш. По-своему нелепый и несуразный, но настоящий. Да и разве бывает студенчество другим?

Только в кафе я еще не знала, что мое «дальше» начнется раньше, чем я допью свой чай.

Глава 2. Непредвиденные обстоятельства

Когда я вернулась домой, в квартире было тихо. Слишком тихо по сравнению с тем шумным кафе, где, набившись за одним столом, мы шутили интеллектуальные и не очень шутки, едва успевая вставить пару слов между взрывами смеха. Впрочем, жила я одна, так что чего, кроме тишины можно было ожидать от моей квартиры? Явно не фанфар.

Я поставила на плиту чайник, но так и не включила его. Скинула куртку на спинку стула, сбросила кроссовки, забыв сразу разуться на входе, и оставила сумку на полу. Ощущение было странным: не то чтобы одиночество, скорее, пауза, как будто обычная жизнь и ругань взяла передышку и не изволила мне сообщить, когда вернется в норму.

Учеба еще закончилась, действительно взрослая жизнь с работой и всем прочим еще не началась. Как можно было назвать этот период между? Кем я была в тот момент?

Размышляя над этим глубоким вопросом, я уселась на подоконник — любимое место для всех философских кризисов. Под окнами светили фонари, лениво ехали машины, будто знали, что за поворотом их не ждем ничего экстраординарного и спешить некуда. И вот тогда неожиданная мысль пришла в голову сама собой:

«А ведь с моими знаниями — да в самую Викторианскую Англию!»

На самом деле я и правда могла бы устроиться там кем угодно: личным консультантом для молодых лордов, которым стоит напоминать время от времени, почему не стоит пытаться вызвать дух Уильяма Блейка. Или придворным советником по шляпам, я столько их видов знала... Или, в конце концов, могла бы стать обычным человеком, настоящей англичанкой, знающей, как выжить среди корсетов, избежать холеры и соответствовать социальным нормам, которые довели бы любого современного человека, не изучавшего историю, до нервного тика.

Жаль, что в Викторианскую эпоху не уедешь по студенческому обмену. Да и студенческие льготы закончились с получением диплома.

Я фыркнула. Бессмысленно мечтать о невозможном. С таким же успехом можно планировать летний отпуск в Средиземье, тоже, кстати, приятное местечко. Но все равно мысль про Англию крепко засела — не выкинуть. Как любимая цитата из песни, мотив которой уже даже не можешь повторить, но текст все равно крутишь и крутишь в голове.

И в этом состоянии — между самоугрызениями и внутренним стендапом — я зачем-то пошла в ванную. Видимо, просто захотелось смыть с себя прошедший день, запах кофейни, разговоры и ощущение, что все вокруг куда-то если не едет, то, как минимум, катится, а ты стоишь на остановке, ожидая опаздывающий автобус, но даже не зная его маршрута.

Я шагнула в ванну и, как водится, поскользнулась в самый неподходящий момент. В целом это было предсказуемо, потому что такова моя то ли судьба, то ли натура: философствовать я могла часами, а вот соблюдать технику безопасности — ни минуты.

Я не успела ни вздохнуть, ни выругаться. Только и услышала глухой удар, который сама же и «произвела». Бортик ванны столкнулся с моим затылком. Это оказалось больно, обидно и невероятно глупо.

Но все-таки я нашла в себе силы собраться и села, держась за голову. Все внутри пульсировало, я почти физически ощущала пострадавший от удара мозг. Мир визуально немного накренился, как лодка, на которую сел слишком толстый пассажир.

— Прекрасно, Леденцова, — пробормотала я. — Вот тебе и путешествие. Ты же так хотела! Бесплатный тур по своей же черепной коробке. Бонусом — поездка в травмпункт.

Я выждала минут пять, если не больше, надеясь, что «вертолетики», «звездочки» или как там еще называют последствия удара головой пропадут. Смогла встать и сесть на край ванны. Старалась дышать глубоко и ровно, даже обрадовавшись, что меня не тошнило — вероятность сотрясения в этом случае уменьшалась. В глазах не двоилось, сознание я вроде бы не теряла. И

даже мысли звучали вполне связно — насколько вообще мои мысли когда-либо бывали связными.

На всякий случай я поставила себе таймер на один час, чтобы спустя время после нелепого падения еще раз проверить свое состояние. Это, правда, была скорее проверка на сотрясение по студенчески-научному методу, а не медицинскому, ведь максимум, что я могла сделать, это ощупать себя, да осмотреть мир вокруг. Но если вдруг начну видеть портрет Льва Толстого на своем белом потолке — точно сразу же вызываю скорую.

Отмеренный мне час прошел достаточно быстро. Я все еще была здесь, в своей квартире, в сознании и в реальности, слегка опухшая и с возможной шишкой на голове, да с разбитым чувством собственного достоинства. Но пока вроде бы была относительно целая и я, и моя несчастная голова.

Я улеглась в кровать, выключила ночник на тумбочке, расположилась поудобнее, натянула одеяло до ушей и сказала себе, как говорила всегда перед сном:

«Завтра все начнется. Обязательно начнется. Просто еще не сегодня».

Это был мой маленький ритуал, дающий надежду на исполнение мечт. Правда, обычно он не срабатывал или срабатывал далеко не в полную силу.

Глава 3. Вот тебе и доброе утро

Я проснулась внезапно, как если бы кто-то резко выключил сон и включил... оперу? Хор монахов? Звучание чего может быть противоположным звучанию обычной современной жизни? Только что-то максимально странное и неожиданное для пробуждения утром.

Первое, что я поняла, так это то, что вокруг было почти непроглядно темно. Это нельзя было описать, как «рано утром» или «просто шторы не открыты». Было абсолютно, физически темно, как в шахте, где дополнительно решили поэкспериментировать с готикой и сделать ставку на черный цвет.

Я закрыла и открыла глаза, подумав, что это проблема с ними, но ничего не изменилось. Разве что спустя несколько долгих темных минут я могла рассмотреть очертание портьер: это оказались плотные, явно тяжелые занавески в несколько слоев. Именно такие, какие шьют не для уюта, а чтобы не допустить в дом ни единого луча, ни одного намека на день.

В комнате пахло лавандой и свечным воском. И если второе мне нравилось, то лаванда всегда ассоциировалась со средством от моли, которое я терпеть не могла, и теперь размышляла, кто успел завесить мне окна и одновременно нафаршировать комнату этим отвратительным химозным ароматом. Кроме всего прочего, я лежала на огромной кровати, настолько мягкой, что она напоминала облако, набитое пухом и обработанное средствами для стирки марки «Аристократка».

— Ммм... — выдохнула я и попыталась пошевелиться, решив, что пора завязывать с жизнью норного зверя.

Но это тоже оказалось ошибкой, принесшей неожиданное открытие: все то, во что я была одета, явно не принадлежало мне.

Кожей я почувствовала тончайший шелк. Настоящий, а не то полиэстеровое подобие из массмаркета. Он охлаждал кожу, струился по телу, как вода, и цеплялся за запястья тонкими кружевами, пришитыми по краям длинных рукавов.
Ощупав себя, я поняла, что на мне была роскошнейшая ночная рубашка, словно сошедшая со страниц богато описанного исторического романа, где героини умеют элегантно падать в обморок и томно вздыхать в сторону любовного интереса.

Я поднялась на локтях, села, и только теперь, когда глаза успели еще чуть привыкнуть к темноте, заметила, что нахожусь в комнате, где любая мелкая деталь стоила бы полгода аренды моей скромной квартиры.

Резные зеркала вытягивались высоко к потолку, который, к слову, тоже был повыше чем в обычной современной квартире. Комод из темного дерева (или темным он казался только в темноте?), столик с инкрустацией, подсвечники, свисающие со стен, и кресло у камина, такое богатое и старинное, что в нем, кажется, обязана сидеть призрачная бабушка с вязанием и предсмертным пророчеством, — все выглядело роскошно и нереально.

Я растерянно моргнула и потеряла глаза. Светлее не стало, пространство тоже не изменилось.

— Это сон. Или следствие черепно-ванных обстоятельств, — попыталась убедить я себя.

Я спустила ноги на пол, босыми ступнями почувствовав, каким он был холодным, словно настоящий мрамор. Неловко потоптавшись на камне, я нащупала ковер, такой пушистый, что его почти можно было назвать глубоким — только я на него наступила, как ноги провалились как минимум по косточки. Судя по тому, что я могла рассмотреть, он был то ли винного, то ли кровавого оттенка, и выглядел словно вытканый вручную каким-нибудь глухим монахом с чувством прекрасного — немного неравномерный по распределению ворса, но определенно прекрасный.

Я уже понимала, что ни один интерьер в моем доме так не пахнет дороговизной, ни один комплект белья не ощущается, как контракт с роскошью, и уж точно ни одно утро не начинается с абсолютной, театральной тьмы, к которой так долго привыкают человеческие глаза.

— Ну, Машенька, — прошептала я себе. — Либо ты умерла, либо наконец-то осуществила свою самую бесполезную мечту и перенеслась в викторианскую Англию. Поздравляю! Осталось только выяснить — в качестве кого я здесь?

Пока ноги неуверенно несли меня вперед — хотя шла я осторожно, боясь потревожить даже местный воздух — я старалась не смотреть в зеркала. Подсознание четко шептало: «Не надо. Вот только не надо этого делать». Но и сидеть на месте я тоже не могла.

Комната на самом деле оказалась огромной и с каждым шагом становилась все более нереальной. Это была не просто какая-то там спальня. Это спальня из исторических романов, которые я читала ночами в общежитии, закутавшись в плед и запивая викторианские страсти дешевым какао.

Слишком высокие потолки. Бесконечные драпировки винного цвета с золотым шитьем на всем, что только можно задрапировать. Картины, настоящие масштабные картины, а не какие-то мелкие репродукции, нет, тут даже воздух пропах маслом подлинников. Зрение все больше привыкало к темноте, и я даже смогла рассмотреть сюжеты изображений, не в деталях, конечно, но все же. На одной нарисовали охоту с собаками, догоняющими лис, на другой красовались дамы в шляпках, на третьей расположился портрет мужчины, который явно следил за моими передвижениями (надеюсь, это не местный владелец, потому что он подозрительно красив и угрожающе серьезен).

Столик у окна, застеленный белоснежной скатертью, разместился у окна, а на нем теснились шкатулка, вазочка с засохшими розами и даже маленькая фарфоровая фигурка балерины.

Камин оказался настоящим. В нем еще теплился пепел. Значит, тут кто-то недавно был?

Я обернулась. Нет. Никого. Только я и моя подозрительно роскошная ночнушка.

— Так, — прошептала я. — У нас есть два варианта.

Первый: я действительно перенеслась в прошлое, и моя дипломная работа по быту английской аристократии ожила в очень странной форме.

Второй: я впала в кому. Ловила галлюцинации. И это, без шуток, могла быть серьезная черепно-мозговая травма. Так, а можно ли позвонить в скорую из галлюцинации?

Я поискала глазами телефон. Конечно, ни смартфона, ни даже старого дискового аппарата не оказалось. Я обнаружила только крупный позолоченный колокольчик с удобной деревянной ручкой на тумбочке.

— Ну да, логично. Классическая экстренная связь: звонок батлеру.

Я вздохнула и вдруг поняла, что даже воздух здесь не такой, как дома. Помимо того, что он пах маслом от картин, я уловила аромат ладана, древесины, воска и чего-то еще непривычно сладкого и плотного с железистой примесью. Так могли пахнуть и духи, и кровь, но истинную природу запаха я решила не уточнять.

Мне ужасно захотелось, чтобы кто-нибудь появился и объяснил, что происходит. Или, в худшем случае, чтобы раздался сигнал будильника, и я открыла глаза в своей ванной с ледяным компрессом на лбу. Но будильника не было. Зато было огромное зеркало в золоченой раме прямо напротив кровати.

Я остановилась и уставилась на него. И тогда мне стало по-настоящему страшно, потому что я еще не видела своего отражения. И, если честно, боялась его увидеть. Если окружающее меня пространство могло ТАК измениться, то что случилось со мной?

Зеркало было невероятно роскошным — высотой не то что превышающее мой рост, а выше меня раза в два, в раме из резного дерева, где причудливо сплелись цветы, листья и какие-то крылатые то ли звери, то ли птицы. Хотя, кажется, это были летучие мыши. Стильно и немного пугающе, хотя все еще очень в духе моей дипломной.

Я медленно подняла взгляд на отражение и...

Глава 4. Новая жизнь — новый стиль

В зеркале я увидела ровно ничего, там было пусто. Отражения там не оказалось.

Точнее, зеркало, как ему и полагалось, отражало все: кровать с кружевным покрывалом, пол с замысловатыми мраморными узорами, портьеры, что едва не поглотили весь свет, заставляя меня приспосабливаться к темноте. Даже угол шкатулки с фарфоровой балериной виднелся в глубине отражения.

А вот меня там не было.

— Ну да, — прошептала я, отступая на шаг. — Конечно.

Что еще могло пойти так идеально не так? Только вампирская галлюцинация, организатор которой ставит зеркало в спальне, но не заботится о такой мелочи, как отсутствие отражения у главной героини.

Я шагнула вбок, но отражение не изменилось. Вперед, назад, присела — ноль реакции.

— Прекрасно. Супер. Маша Леденцова, выпускница исторического и гуманитарий, специалист по викторианскому быту и, по совместительству, восставший из ванной нежить. Приятно познакомиться.

Фантазия у меня, конечно, сильно обогатилась за время учебы. Спасибо, дипломной работе и многочисленным эссе на самые странные темы.

И все же... Все вокруг выглядело чертовски убедительно.

Я слышала стук своего сердца. Чувствовала прохладу мраморного пола, которая по ногам пробиралась выше, прямо под ткань дорогой ночнушки. Пальцами я провела по раме зеркала и на подушечках увидела пыль, которая была вполне настоящая, даже слегка липкая, какой ей и нужно быть в слишком старых домах.

Слишком реально для фантазии, Машенька.

Я резко отвернулась от зеркала. Что-то внутри меня задрожало, но не от ужаса даже (хотя это было бы вполне объяснимо), а от нехорошего предчувствия и абсолютного непонимания.

— Ну ладно, — сказала я уже вслух. — Если это сон, то он слишком продуманный. А если реальность, то мне срочно нужен глоток кофе и инструкция «Как не паниковать, если ты, возможно, оказался в прошлом и стал вампиром». Желательно с картинками.

Я отошла от зеркала, но зеркало из головы не ушло.

Меня там не было. Совсем не было. Даже намек на мое присутствие в отражении. И ведь отражалось все остальное, да еще как назло, в мельчайших деталях, которые мои глаза уже умудрились рассмотреть.

Может, если я потрогаю себя за нос, то проснусь? Или исчезну окончательно, как в каком-нибудь баге симуляции?

Я машинально опустила взгляд.

Ночные рубашки подобного рода я видела только в музейных витринах или на репродукциях. Полупрозрачный шелк, кружево, тончайшие ленты. Все струилось и переливалось в тусклом свете. Очень красивый наряд. И очень мне не подходит.

Я медленно подняла руку, чтобы откинуть с лица прядь волос и ошарашенно замерла.

Ногти... Хотя можно ли ТАКОЕ назвать просто ногтями?

Это что еще такое?

Они были длинные, слишком длинные для обычного маникюра. Идеальной формы, как будто их только что заточили мастера из мира готических Pinterest-досок. Но при этом не искусственные, нет. Вполне родные, живые и очень крепкие. Мои, вернее, те, что принадлежали теперь этому телу.

— Окей... Это просто галлюцинация с бюджетом Голливуда, — прошептала я. — Только в галлюцинации мне могли подкинуть чужие руки.

Кожа на руках была белее молока. Даже не бледная, а выцветшая, и почти такая же холодная, как мраморный пол. Я коснулась запястья и не почувствовала ни малейшего тепла, ни привычной мягкости кожи.

Пальцы нащупали резкую и заметно выступающую ключицу. Все тело казалось вытянутым, слишком стройным, почти хрупким — как фарфоровая кукла, только в натуральную величину.

И волосы...

Я провела рукой по плечу, потом по спине. Волосы были очень-очень длинные и густые, почти тяжелые. Я оттянула одну прядку и поняла, что прическа моя стала черной, как смоль.

— Эм... — на более осмысленный комментарий меня не хватило.

У меня теперь было строгое и удобное каре, подходящее на каждый день. Я сама его остригла основную массу волос, когда поняла, что дипломная сожрала мою душу, а с длинными волосами пропадал еще и час жизни каждое утро.

Теперь же я стояла посреди какой-то декадентской готической спальни в теле, уж простите, соблазнительной жуткой куклы.

Наверное, стоило предположить, что теперь у меня еще и идеальный тон кожи, черты лица, как у ангела из фрески и ни одной веснушки. А что? Гулять, так гулять!

— Ну что, Маша, — вздохнула я. — Теперь ты, похоже, и впрямь можешь написать работу «Изнутри викторианской эпохи: личный опыт».

Я дошла до шкафа, вернее, до полноценного гигантского гардероба, вмонтированного в стену, с инкрустацией на дверцах и ручками из чего-то подозрительно похожего на кость. Но когда я решительно открыла одну створку, то от удивления чуть не села на пол.

Там проживали платья в огромном их количестве. Гардероб целого маленького городка, состоящий из роскошных, исторически достоверных викторианских платьев. Турнюры, корсеты, шелк, бархат, ручная вышивка, кружева — да тут можно было бы музей открыть только из имеющихся экспонатов и еще вести экскурсии по часам.

— Угу. Ну конечно. Галлюцинация решила дать мне доступ в запасники Британского музея, — пробормотала я, аккуратно трогая одно из платьев. Ткань была тяжелая, дорогая, холодная на ощупь. Настоящая до пугающей степени.

Я сдвинула вешалки, стараясь рассмотреть каждый экспонат повнимательнее. И вот тут разнообразие слегка притупилось.

Сначала моему взору предстало прекрасное черное платье. Следующее — угольно-серое. Потом — снова черное. Черное со скромными лавандовыми вставками. Черное с бордовыми. Опять просто черное.

— А что, у нас тут кастинг на роль вдовы века? — уточнила я, надеясь при этом, что из шкафа мне никто не ответит.

Я сдвинула еще несколько вешалок.
Снова черное. Еще черное. Почти черное. Черное с блестящей отделкой. И, конечно же, черное.

Ни единого светлого или цветного наряда. Ни одного пастельного, ни одного голубого или бежевого оттенка. Только бесконечно траурные цвета, которые тут, видимо, соревновались, кто из них драматичнее.

Я снова опустила взгляд на свою уже почти привычную ночнушку. Шелк, кружево, невероятной красоты фасон. И, конечно же, она тоже была черная. Просто до этого озарения момента я не придавала цвету значения.

Я медленно обернулась, свежим взглядом стараясь оценить пространство. Постельное белье, подушки, покрывало, балдахин — все было представлено в черных и графитовых тонах,

в лучшем случае виднелись оттенки неопознанного темного, а также винного или серо-угольного.

— Я что, поселилась у праматери всех панков и готов на свете?

От попыток осмыслить происходящее у меня немного затряслись руки.

Глава 5. Вопросы задали, а ответы будут?

Я заставила себя вернуться к зеркалу. Подошла, взглянула и снова никого не увидела. Пусто. Лишь прекрасное убранство комнаты, теперь уже весьма заметно соблюдающий траур по моему здравому смыслу.

— Так. Окей. Диагноз — тяжелое постдипломное выгорание. Или я умерла. Или сплю. Или я какая-нибудь графиня-вампир.

Говорить это вслух оказалось неожиданно легко. Возможно, именно потому, что иначе пришлось бы бессмысленно кричать от внутреннего ужаса. Но вместе с разговорами пора было предпринять уже и какие-то действия, поэтому я направилась к выходу из комнаты.

Дверь, кстати, была тяжелая. Такие, кажется, обычно ведут в подземелья или винные погреба. Или, если особенно повезет, в обе локации сразу. Я с силой дернула ее на себя и осторожно приоткрыла.

Коридор оказался таким же изысканным, как и спальня: высокие потолки, золоченые панели, резные колонны, канделябры вдоль стен. Все идеально вычищено, отполировано и подсвечено мягким, теплым светом. Что-то среднее между дворцом, декорациями к фильму ужасов и люксовым отелем с очень странным концептом.

Я выглянула, словно партизан-неудачник, потом опасливо выставила за порог одну босую ногу, затем вторую и крадучись выбралась из комнаты.

— Гениально, Леденцова. Побродить по незнакомому замку, в ночнушке и без оружия. Ну хотя бы зубочистку с собой взяла бы, — пробормотала я под нос. Звук эхом разнесся по коридору, и я подпрыгнула от неожиданности, как нашкодившая кошка.

Пол был все таким же холодным, а ночнушка, ну, скажем, не самым практичным нарядом для разведки. Особенно если вдруг за углом поджидает оживший шкаф. Или дворецкий-вампир. Или просто сквозняк.

Вокруг не раздавалось ни звука. Ни шагов, ни скрипа половиц, ни жужжания техники. Коридор заполнял только приглушенный свет свечей и очень торжественная тишина.

Я двигалась вдоль стены, как в дешевом триллере. На моем пути встретилась огромная масляная картина, занимавшая чуть ли не половину стены. На ней красовалась женщина в черном, конечно. Она смотрела с упреком и легкой брезгливостью, будто я явилась на бал в пижаме. Хотя, технически, так и было.

— Ладно. Цель: найти окно и убедиться в существовании света, потом понять, в каком я веке, и выяснить, есть ли тут вайфай. Или хотя бы туалет. Порядок может быть произвольным.

Повернула за угол, дальше показалась лестница. Громоздкая, парадная, такая, по которой в кино обычно спускаются с факелами или убегают от чудовищ. Я выглянула вперед.

Воздух был прохладным, но тут еще отчетливее пахло лавандой, свечным воском и чем-то уже конкретно металлическим... Я поежилась.

— Запах крови — это ты уже совсем накручиваешь, Машенька, — прошептала себе, но несмотря на уговоры, замерла в нерешительности, потому что из-за поворота донесся легкий звук. Это были не шаги и не человеческий голос, но явно что-то живое воспроизводило это звучание.

Звук повторился. На этот раз я поняла — это все-таки были шаги, легкие и быстрые, не слишком уверенные, просто смешивались они с подозрительным позвякиванием металла.

Я прижалась к стене, потому что именно так обычно делают в кино. Потом подумала, что выгляжу скорее как испуганная мышь, а не отважная героиня, и все же высунулась.

Из-за поворота показалась девушка — молодая, лет восемнадцати, в классической форме горничной, как в старых британских фильмах или мужских эротических фантазиях: черное платье, белый фартук, чепец, и в руках поднос. Она шла, уставившись себе под ноги, но едва

ее взгляд скользнул по мне, так девушка тут же замерла. Буквально застыла, как в детской игре «Море волнуется».

— Эм... здравствуйте? — вежливо сказала я, делая шаг вперед.

Она не двинулась с места.

Поднос дрожал в ее руках, но сама девушка держалась стойко, будто проходила спецкурс по балансировке предметов под страхом смерти. Или еще чего похуже.

Я подошла ближе. Служанка по-прежнему не смотрела на меня — опустила глаза, голова чуть склонена, руки прижаты к груди, будто она собиралась поклониться еще глубже и слиться с мраморным полом.

— Все в порядке? Вы меня слышите? — попыталась я уточнить и даже аккуратно обошла ее, заглядывая сбоку.

Девушка не шелохнулась.

— Можете встать прямо? Ну, в смысле — не стоять, как будто вы музейная скульптура на тему «Поднос и ужас». Я не кусаю. Кажется.

Служанка чуть вздрогнула, но потом все же тихо ответила:

— Милостивая госпожа не давала разрешения.

— Прошу прощения... чего?

Она не подняла глаз, продолжая бормотать куда-то в пол:

— Я не могу подняться, пока вы не велите, милостивая госпожа.

Я удивленно моргнула, осмысляя услышанное:

— Госпожа? Это вы сейчас мне?

Служанка кивнула едва заметно. Ее подбородок дрожал, поднос оставался все также прочно прижатым к груди. Вид у нее получился такой, будто она и правда боялась, и даже не меня, а самой идеи сделать что-то без спроса.

— Хорошо, — осторожно выдохнула я. — Тогда... Велю вам. Встать. Прямо. И, может быть, дышать.

Она чуть отстранилась от стены, расправила плечи, неуклюже кивнула — и впервые осмелилась поднять на меня взгляд. Большие карие глаза, явственно поджатые губы. Волосы светлые, небрежно собраны в пучок. Девочка как девочка. Живая и настоящая. Явно младше меня. Могла ли она мне хоть чем-то помочь?

Но у меня к ней был вполне резонный вопрос:

— А вы не подскажете, что, черт возьми, здесь происходит?

Глава 6. Милостивая госпожа изволит

Служанка на мгновение расправила плечи, но ее глаза тут же снова упрямо уставились в точку где-то в районе моего локтя.

— Простите, — начала я очередную попытку завязать разговор, но уже с самой миролюбивой интонацией, на которую была способна, будучи босой, в кружевной ночнушке и все еще не уверенной, не лежу ли я в больнице под капельницей с галлюциногенами. — Вы можете объяснить, где я? И что тут вообще происходит?

— Вы были в своих покоях, милостивая госпожа, — произнесла она тихо, но с отчетливо-отрепетированной интонацией, будто говорить со мной могла только по уставу. — Как и положено днем.

— Мои покои, ага... — я оглянулась через плечо на ту самую спальню, больше похожую на экспозицию из музея викторианского гламура или модную коллекцию в стиле «сумеречная роскошь». — А имя у меня тоже есть? Ну, помимо «милостивой госпожи»?

Служанка заметно напряглась, но все же нашла в себе силы ответить:

— Мне... не позволено произносить ваше имя без вашего на то дозволения.

— Ох ты ж, ладно, все, хватит. Стоп, — я подняла руки вверх, демонстрируя, что сдаюсь. — Значит так. Я не знаю, как я сюда попала. Я не ваша госпожа. Я Маша Леденцова. Я самый обычный человек, как вы или кто-либо другой. Без замков, слуг и ночнушек с биркой «Made in викторианский ад». Я упала в ванной и ударилась головой. Возможно, у меня сотрясение или даже кома, внезапное расщепление личности или все сразу. Но вы ведь настоящая? Или меня окончательно унесло?

Служанка прижала к себе поднос плотнее, видимо, надеясь защититься им от моей словесной атаки, как щитом:

— Милостивая госпожа изволит шутить...

— Да я изволю охреневать, если честно! — вырвалось у меня, и я тут же пожалела о своей резкости.

Между нами повисла пауза. Из глубины коридора доносился едва слышный скрип, как если бы кто-то прошел где-то по старому полу. Служанка вздрогнула, все происходящее явно выбивалось из ее привычной картины мира.

— Вы... — она понизила голос до едва различимого шепота, — вы изменились, милостивая госпожа.

— В каком смысле?

— Я не должна говорить. Простите. Но вы были другой. До того, как... — она запнулась. Я нахмурилась, но старалась не давить на нее, а лишь мягко подтолкнуть к ответу:

— До того, как?

— До того, как надолго уснули.

— Что значит «надолго уснула»? — переспросила я, стараясь сохранять терпение. — Насколько долго я спала по-вашему?

Служанка покачала головой, словно не смела говорить, и чуть отступила назад. Пальцы, сжимающие металлический поднос, побелели от напряжения.

— Я не знаю точно, милостивая госпожа. Никто из нас не знает. Мы не смели входить в ваши покои без приказа.

— А до этого? До моего сна. Что было?

Она снова медленно покачала головой. Но я уловила в ее взгляде то странное, тревожное напряжение, доказывающее, что она знает куда больше, чем говорит. Или боится, что я сама начну что-то вспоминать.

— Вы были иной, — прошептала она, и, кажется, это был максимум откровенности, на который она осмелилась.

— Иной — это как? Веселее? Злее? Гламурнее?

Служанка не улыбнулась, ни один ее мускул не дрогнул:

— Молчаливая. Холодная. Очень красивая. То есть, вы и сейчас красивая. Но вы всегда были недоступной и далекой, держались подальше.

Я вскинула брови, не зная, как реагировать на подобное описание:

— Ну, спасибо, наверное?

— Нет, вы не понимаете. Это была не та красота, что радует. Это была красота, как у древней статуи. Вы были совершенная, но чужая. Вы почти не говорили, только иногда отдавали распоряжения. И никто никогда не смел смотреть вам в глаза.

Так-так-так. Мне вдруг резко стало еще холоднее, и это явно произошло не из-за сквозняков.

— А сейчас со мной стало можно говорить? — искренне спросила я, чуть наклоняя голову и не вкладывая ни в жест, ни в вопрос ничего негативного.

Служанка сжалась, будто ожидая удара:

— Простите мою дерзость. Просто вы смотрите иначе.

Я не выдержала и, скорее чтобы разрядить атмосферу, фыркнула:

— Прекрасно. Меня подменили. Вместо безмолвной богини у вас теперь появился хрупкий хомяк в ночнушке. Есть шанс на восстание слуг, кажется. Сейчас или никогда.

Девушка на это ничего не ответила. И тут я поняла, что она действительно боится меня. Даже сейчас, когда я стояла перед ней бледная, лохматая, и ничего не понимающая, с единственным желанием — узнать все-таки, какого черта вокруг происходит, она меня боялась.

— Скажи мне правду, — я сделала шаг ближе, неосознанно переходя на «ты». — Сколько прошло времени с тех пор, как я уснула?

Служанка прикусила губу. На мгновение я подумала, что она снова промолчит, но она все же выдала:

— Сегодня восемьдесят второй день, как вы уснули. И сегодня вы впервые вышли из своих покоев с тех пор.

Моя голова слегка закружилась в попытке осознать совершенно нереальные факты даже для окружающей меня нереальности.

— Восемьдесят два дня? И никто ничего не говорил? Не пытался... я не знаю... разбудить меня?

— Нам было приказано ждать. И быть готовыми, когда вы вернетесь.

— А если я вернулась, но я уже не та «я», которую вы ждали?

Служанка осмелилась поднять глаза:

— Тогда, милостивая госпожа, все должны очень, очень бояться и привыкать к новым порядкам.

Глава 7. Знакомство с... собой

— Простите, но скажите все-таки, как меня зовут? — я едва не зажмурилась от абсурдности собственного вопроса и неосознанно вернулась к вежливому обращению на «вы». — Ну, то есть, как ее зовут? Или меня? Нас? Точнее... Я приказываю назвать мне мое имя.

Служанка чуть заметно вздрогнула, но голос у нее остался спокойным, почти бесцветным: — Миледи — графиня Мэри Элоиза Рейвенскрофт.

— Простите, Элоиза кто?

— Рейвенскрофт, миледи.

— Ну конечно. Рейвенскрофт. Почему бы и нет, — я уставилась в точку где-то в пространстве за спиной девушки, мысленно записывая напоминание «запомнить это демоническое имя».

Мэри Элоиза, значит. Ну, Мэри — почти Маша. Уже что-то родное, почти как адаптация зарубежного имени в озвучке сериала от «Первого канала».

— Ты уверена? Ну, насчет Мэри? — на всякий случай решила уточнить я, продолжая удивляться такому совпадению.

— Несомненно, госпожа. Так вы были наречены при рождении.

— И это не шутка?

Она встревоженно посмотрела на меня и решила, что молчание в этом случае будет безопасней. Я обессиленно вздохнула, принимая поражение:

— Ладно-ладно. Окей. Пусть будет так. Я графиня Мэри Элоиза Рейвенскрофт. Почему бы и нет в конце концов.

Я отвернулась, делая вид, что снова рассматриваю роскошные обои, которые выглядели скорее как мягкая обивка стен (почти сумасшедший дом!), но на самом деле просто давая себе три секунды, чтобы справиться с бурей эмоций внутри и не закричать.

Мэри звучит не так уж и плохо. Хоть не Дракула, и то хорошо, хотя нынешняя женская звучит тоже весьма готично. Одна только фамилия Рейвенскрофт чего стоит... В переводе — вороний обрыв, буквально. Вот уж прекрасно. Прямо символично. Может, мне еще фамильный герб с огромным черным вороном вручат? Или даже с двумя. Может, еще и с лозунгом под картинкой: «Во мраке — с шиком». Могли бы еще «Склепфорд» какой-нибудь добавить к фамилии для атмосферности.

Я пытаюсь срочно перебрать в голове всех известных мне графинь. Кто у нас там был самый устрашающий? Батори, да. Уже мимо, неплохо, ведь становиться Батори мне бы не хотелось. Вот только дальше в памяти пусто. И куда только делись пять лет истфака? Где все изученные графини, когда они так нужны?

— Ну, хоть не Батори... — пробормотала я вслух, остановившись в итоге на единственной откинутой кандидатуре.

— Простите?

— Ничего. Просто проверяю кое-что. Вы, кстати, случайно не знаете, сколько у нас служанок исчезло за последний месяц?

Служанка побледнела еще сильнее, и цвет ее кожи по бледности почти сравнялся с моим местным образом. А я мысленно ударила себя по лбу. Вот только этого не хватало — теперь она будет думать, что я проверяю, не растеряла ли свои кровожадные привычки.

— Шутка, — я примирительно подняла ладони. — Неудачная шутка. Я не ем людей, если они не хамят первыми.

Она кивнула, но из взгляда ее явно следовало, что позже она перепроверит весь список правил для выживания в этом доме.

— А давно я живу здесь? — спросила я наугад, уже слабо понимая, какая еще информация мне может пригодиться.

Служанка продолжила смотреть в пол. Кажется, она вообще не дышала. А ведь я разрешила! Но, возможно, слишком напугала своим искрометным юмором.

— Все хорошо, — я поспешила ее успокоить, — просто у меня немного кружится голова. Наверное, потому что слишком темно. Я не привыкла.

— Приказать отдернуть одну из штор, миледи? — с сомнением уточнила служанка

— Нет-нет! — я резко вскинула руки, испугавшись возможных последствий такого опрометчивого решения. Кто знает, зачем тут так темно и все черное? Может, дело не только в изощренных вкусах бывшей хозяйки? — Не надо. Я подумаю об этом. Спасибо.

Мой ответ явно не удовлетворил ее, но она промолчала.

— А тебя как зовут? — вырвалось у меня, прежде чем успела себя остановить. Меня мотало между «ты» и «вы», между темами для разговора и вопросами, которые возникали в голове так резко, как зажигались лампочки новогодней гирлянды на самом эпилептическом режиме.

Служанка подняла глаза и посмотрела на меня совсем недолго, рискнув задержать взгляд выше пола лишь на долю секунды, и тут же снова учтиво склонилась:

— В доме милостивой госпожи ни у кого нет имени, миледи.

Я тупо моргнула, даже не сумев сформулировать нормальный вопрос:

— Простите... что?

— Мы не нуждаемся в именах, — повторила она спокойно, словно сообщая, что чай подают в пять. Будто этот факт я должна была знать итак. Хотя, вероятно, действительно должна была, если по их мнению и придумала эти странные правила. — Только госпожа достойна имени.

У меня перехватило дыхание от удивления.

Нет, ну ладно зеркала, ладно холодная кожа, черное кружево, мрак и мрачность, но это уже напоминало какой-то мрачный антиутопический культ. Люди без имен? Seriously что ли?

Я откашлялась, пытаюсь вернуть себе хотя бы иллюзию контроля над ситуацией:

— Ну... э-э, хорошо. Просто... эм, ты?

— Да, миледи?

— Все, ничего, просто проверяла. Спасибо, — сдалась я и тут же мысленно шепчу себе: «Маша, замолчи. Хватит».

Служанка снова поклонилась, по-прежнему прижимая к себе поднос:

— Не изволит ли милостивая госпожа переодеться?

С подносом, к слову, она уже почти срослась... Стоило ли за него переживать?

Я опустила взгляд на себя, снова рассматривая кружево, тончайший шелк, откровенно темный цвет, почти траурный, и поняла, что не так уж далеко продвинулась от дверей якобы своей, как невеста графа Дракулы, неспособная на долгий променад из-за анемии. Так еще в ночнушке, пусть и такой, что я была бы готова потратить еще несколько часов на ее изучение, и без тапочек.

— Наверное, да. Наверное, изволит.

Как минимум тапочки я бы все-таки предпочла.

Глава 8. Дьявол носит... черные платья

Служанка молча повернулась и максимально уважительным жестом указала по направлению обратно в спальню. Я покорно последовала за ней, ощущая, как подол ночной сорочки цепляется за ковер, а ноги все еще идут как не мои — словно деревянные, негнущиеся и непривычно легкие ходули.

Когда мы оказались внутри уже знакомой мне комнаты, девушка остановилась у гардероба, а я остановилась, не зная, куда деть руки и всю себя целиком. Служанка приоткрыла массивную дверцу шкафа, и я заглянула туда через ее плечо — внутри все также плотно висели платья, одно краше другого, и все, да, абсолютно все в одном безрадостном диапазоне: от угольно-черного до цвета вороньего крыла. Местами пробивались мрачные варианты в цвете бордо, темно-зеленые, иссиня-фиолетовые. Справедливости ради, я уже настолько привыкла к местному освещению, что различала сильно больше оттенков. Вот только из них все равно не складывалась радуга. Или складывалась, но очень уж мрачная радуга из всех тонов депрессии. Но чего я ожидала за те пять минут, что меня не было в спальне? Что галлюцинация станет поярче? Вряд ли такие изменения были возможны в выбранном антураже.

— Какой наряд сегодня изволит носить милостивая госпожа? — спросила девушка, обращаясь ко мне с поклоном. За меня она принять решение явно не могла, вот только и я не была сейчас способна на решительность.

Поэтому в ответ у меня получилось лишь нервно хихикнуть:

— Ну, что-нибудь поярче? Если такое вдруг завалюсь.

Служанка даже задумалась, явно не ожидая такого запроса, но это выбило ее из колеи ненадолго. Во всяком случае, она начала действовать куда быстрее, чем после моей неудачной кровожадной шутки несколькими минутами ранее. Наконец она достала платье с бордовыми вставками на корсете и манжетах. На фоне остальных это действительно был почти фейерверк. Я сдержанно кивнула, принимая ее выбор:

— Потрясающе. Буду как праздничная смерть.

Дальше началось самое настоящее театральное действо, которым руководила безымянная служанка, а мне оставалось только подчиниться. Сначала сменилась сорочка. Новая оказалась длинная, легкая, как ночная рубашка, но уже более официальная, без легкомысленных кружев. Потом в ход пошли панталоны. Да, самые настоящие панталоны. Я вслух ничего не озвучила, но название этого предмета гардероба мысленно выговорила как приговор. Следом на меня были натянуты чулки, которые держались на подвязках, и в конце на ноги водрузили ботинки — да-да, прямо сейчас, пока я еще могла нагнуться и хоть как-то помочь несчастной девушке впихнуть мои ноги в эту довольно узкую обувь..

Затем служанка взяла в руки корсет, и я инстинктивно отступила на шаг:

— Разве это обязательно?

Она не ответила, только жестом попросила встать прямо и поднять руки. Соппротивление было бесполезно. Я подчинилась и через минуту поняла, какую совершила ошибку, потому что пока я успела представить, насколько тугим может быть корсет, он уже начал выжимать из меня всю душу.

Сначала показалось, что телу чуть тесно. Потом уже ощутимо тяжело. Еще спустя мгновение я была почти уверена, что у меня внутрь проваливаются ребра.

— Окей, я все поняла... Стоп. Стоп! — из последних сил выдохнула я, но воздуха в легких и так уже почти не оставалось.

Служанка же все тянула и тянула шнуровку, действуя ловко и слаженно, совсем без жалости по отношению ко мне. Кажется, это был единственный момент в ее жизни, когда она могла одним действием отомстить за все пережитое в этом доме.

— Сначала «милостивая госпожа», — бормотала я, хватаясь за спинку кресла, — а потом — в кандалы.

Служанка не среагировала. В этот раз она вообще не услышала меня или только сделала вид. Или и то и другое одновременно.

Корсет покрыли тонкой тканью, вроде бы нужной, чтобы он нигде не натирал. Потом началась сборка настоящего слоеного пирога: нижняя юбка, еще одна, сверху — криолин, и снова юбки одна за другой. Они шуршали и путались, как будто я вступила в бой с парой десятков шифоновых штор. Служанка двигалась слаженно и быстро, точно зная, где и что должно оказаться, а я тем временем чувствовала, как превращаюсь в передвижной театр. Из количества ткани, оказавшейся на мне, сшили бы сделать солидные декорации.

И только потом мы добрались до лифа и верхней юбки. Почти все осталось позади. Но только почти, потому что в финале девушка ловко добавила чепчик, словно завершая сервировку особенно капризного блюда.

Я облегченно сглотнула и села обратно на край кровати, чувствуя себя нарядным гробом с бантом:

— Ну, шик. Осталось только готический прием устроить. Или жертвоприношение. Для какого торжества лучше подойдет этот наряд?

Девушка не ответила, но ведь что-то мне подсказывало, что одно другому не мешает.

Глава 9. Приглашение на ужин

После оформления моего шикарного образа, достойного Met Gala, служанка отошла к двери и стояла там, не издавая ни звука. Думаю, она вполне могла бы простоять так хоть до следующего ледникового периода. Я же с облегчением выдохнула (как минимум тиски вокруг меня перестали затягивать сильнее) и, накинув на плечи тяжелую бархатную шаль, которую нашла у зеркала, смело шагнула в коридор.

— Милостивая госпожа изволит отужинать? — вкрадчиво поинтересовалась служанка, следуя за мной и ни на шаг не отступая.

Ужин в полночь? Ну, конечно, само собой, я же потенциальный вампир. Хотя я все еще не была уверена, что все происходящее не являюсь последствием сотрясения и галлюцинаций с дорожными декорациями на фоне.

— Да, пожалуй, — пробормотала я и сделала еще один шаг вперед.

В коридоре я теперь обратила внимание еще и на кучу картин, развешанные группами на стене, противоположной той, на которой красовался огромный мужской портрет. Некоторые из картин поменьше были покрыты потемневшим лаком, у других золоченые рамы крошились от времени. Если здесь вообще было актуально такое понятие, как время.

Я притормозила возле одного портрета. Изображенная на нем женщина с идеальной бледной кожей, черными, как вороново крыло, волосами и глазами цвета темного янтаря смотрела вдаль с таким выражением, что становилось немного неловко, будто она знала все грязные секретики окружающих ее людей.

— А это кто? — не удержалась я от вопроса.

Служанка посмотрела на меня с недоумением, но все также чуть склонив почтительно голову.

— Миледи собственной персоной, конечно же.

У меня от этого «конечно же» болезненно щелкнуло где-то в висках. Я сделала шаг назад и снова глянула на портрет: да, она правда оказалась похожа на меня. Особенно нос и линия подбородка. Моя новая внешность была как списана с моей старой внешности. Ну, как минимум лицо, если уменьшить загар до нуля и сбросить пару лишних кило.

— А, да, конечно, — медленно протянула я, понимая, что от меня нужен хотя бы какой-то ответ. — Я узнала себя. Почти.

Мы прошли дальше мимо огромных двойных дверей, за которыми слышалось что-то... Скрежет? Стук? Или это моя фантазия уже распоясалась и выдавала желаемое (хотя, скорее, пугательное) за действительное?

— А здесь что? — указала я на двери, не слишком-то желая знать, что за ними на самом деле.

— Это не место для прогулок, миледи, вы ведь не любите там бывать, — быстро ответила служанка и прибавила шаг. Видимо, не любила там «гулять» не только миледи.

Я зябко поежилась.

Дальше мы прошли в зал с роялем. Это был настоящий, огромный, черный, как грех рояль, с нотами, рассыпанными по пюпитру. Я машинально провела пальцами по крышке и обнаружила все тот же толстый слой пыли, который покрывал многие другие предметы в доме. На рояле явно давно никто не играл.

— Госпожа желает, чтобы сюда прислали музыканта? — сразу отозвалась служанка, заметив мой интерес.

— О, нет, спасибо. Пусть музыкант поживет еще.

Служанка кивнула, уже никак не отреагировав на шутку.

Потом мы проследовали через галерею с огромными окнами, но, конечно, занавешенными. Сквозь совсем тоненькие щели просачивался тусклый лунный свет. На миг я даже увидела очертания зимнего сада за стеклом — деревья, обвитые лианами, стояли такие странно черные в ночной пустоте...

Потом мне открылся коридор с распахнутыми дверьми, ведущими в библиотеку. В настоящую огромную библиотеку, хранящую такое количество дорожных фолиантов, что я не смогла бы их сосчитать за сутки. Ее потолки, кажется, уходили в вечность, стеллажи поднимались выше человеческого роста, а старинные переплеты переливались и почти подмигивали мне в свете свечей, заманивая почитать пару страничек.

Я остановилась, глаза загорелись интересом. Что плохого может случиться со мной в этой доме, если здесь есть такая библиотека?

— Можно сюда? — на всякий случай уточнила я у сопровождавшей меня девушки.

— Разумеется, госпожа.

Я только шагнула внутрь, вдохнула запах старых книг, и что-то в углу отчетливо скрипнуло. Я тут же выскочила обратно в коридор, который пока еще меня не подводил, и, пытаясь сохранить достоинство, пошла дальше, как так и надо.

— Возможно, потом, — пробормотала я в свое оправдание.

— Конечно, как пожелаете, — просто согласилась служанка, решив, что это очередная моя нелепая попытка пошутить.

Мы уже почти дошли до столовой, когда я заметила странную полускрытую нишу в стене. Оттуда тянуло сыростью и ржавчиной. Любопытство — худшая и лучшая моя черта одновременно — не подвело, и я заглянула внутрь.

Внутри я увидела самые настоящие, темные, кованные тяжелые цепи, прикрепленные к стене. Рядом с ними висела крепкая решетка, позволяющая превратить нишу в полноценную небольшую клетку.

— Это... это для кого вообще? — выдохнула я, и каждое мое предположение было хуже предыдущего. — Тут собак держат? Надеюсь, их не мучают?

Служанка не ответила, продолжая стоять чуть поодаль, сложив руки перед собой. Поднос она уже оставила где-то по дороге, а я даже не заметила, как она избавилась от этого щита.

— Ладно. Лучше не знать, — решила я, соглашаясь с отсутствием ответа. И больше ничего я и говорить не стала, потому что подумала, что если скажу «хочу вернуться в спальню», и она опять ответит «разумеется, госпожа», я просто запрусь в эту же клетку добровольно.

Глава 10. Просим к столу

Служанка шла чуть впереди, держа канделябр, который подхватила по дороге, с таким достоинством, словно родилась с ним в руке и воспринимала его по меньшей мере скипетром. Я послушно семенила следом, время от времени бросая взгляд на высокие готические арки, витражи и все также часто встречающиеся картины, на которых я, кажется, снова и снова узнавала свое новое лицо, а оно в ответ появлялось все чаще и чаще.

В конце нашего пути из спальни в столовую мы остановились перед массивной двустворчатой дверью, и служанка с легким поклоном распахнула ее:

— Милостивая госпожа, трапеза ожидает.

Зал был огромным. Я думала, что после спальни и библиотеки меня уже ничего не удивит, но у столовой это получилось. Тяжелые шторы скрывали еще более высокие окна, в гигантском камине потрескивал огонь, над длинным, словно подиум, столом висела богатая хрустальная люстра, отбрасывая яркие блики на серебро и фарфор. Все больше окружающее пространство выглядело как специально возведенные декорации для какого-нибудь дорогого исторического сериала, который снимали уже лет сорок, и актеры за это время привыкли жить внутри сюжета. Искусственность убранства подтверждал и тот факт, что еды на столе не было.

Ни хлеба с сыром, ни фруктов, ни скромной тарелочки с овсянкой на воде. Только один-единственный предмет, разбавляющий выставку пустого фарфора, привлекал внимание — высокий бокал из темного стекла, наполненный чем-то густым и багровым.

Я подошла к нему ближе, рассматривая странную находку.

— Это виноградный сок? — рискнула уточнить я.

Служанка слегка склонилась, и этот ее услужливый жест уже начал порядком надоедать.

— Это лучшее, что мы можем предложить милостивой госпоже.

Я почувствовала, как по горлу поползла сухость, стягивая голосовые связки. Сначала легкое пересыхание, как после сна, потом с дикой силой нарастающая жажда. Но это была очень странная жажда, такая вязкая и противная. Словно тело прекрасно знало, что в бокале не просто сок, и слишком хорошо понимало, чего на самом деле хочет.

— У вас случайно нет, не знаю, каши? Тоста? Хоть какого-нибудь скромного завтрака?

Служанка отчетливо вздрогнула и чуть не уронила канделябр, но все же ответила, ведь, судя по всему, спорить она не смела, каким бы бредовым ни считала мой вопрос:

— Конечно, милостивая госпожа. Сию минуту.

Она исчезла из столовой так быстро, что подол ее юбки взвился, как у персонажа старого мультика. Я осталась одна. Точнее, наедине со стаканом подозрительного коктейля и очень красноречивой тишиной вокруг.

Секунд пять я стояла, не двигаясь. Думала даже посчитать вслух до десяти, как обычно рекомендуют психологи, чтобы справиться с мыслями. Потом села на ближайший стул и только тогда поняла, насколько ослабла от свалившихся на меня потрясений. Или, может, от почти трехмесячного сна, кто знает. Колени стали ватными, голова чуть тяжелой, а рука, когда я все же взялась за бокал, дрожала. Протянулась к напитку я, кстати, больше инстинктивно, на самом деле никакого контакта с ним я не планировала.

— Ну и ну, — пробормотала я. — Я в готическом квесте. Это как компьютерная игра, только с неопределенным уровнем голода и включенной опцией «пить или умереть».

Затем я поднесла бокал к лицу. Запах был странный. Я бы не назвала его неприятным, скорее нейтральным, но с очевидным металлическим оттенком. Обычно кровь пахла куда более неприятно, смешиваясь со стерильным медицинским запахом, но в бокале я не чувствовала ничего подобного.

— Да я даже донорскую кровь сдавала. Но разве нормально пить ее? Я серьезно собираюсь сделать это? — пробормотала я в пространство, но ответить мне было некому.

И, как назло, организм ответил рвущейся судорогой внутри. Такой жажды я еще не испытывала. Я почти физически ощущала тепло чужой жизни и отчаянно хотела удовлетворить им свою ненасытную потребность. Голова закружилась от предвкушения и попыток бороться хотя бы за какие-то остатки морали.

— Прекрасно. Отлично. Просто чудесно, — бормотала я так, надеясь, что эти слова действуют как заклинание или проклятие и остановят меня. — Вампирская версия сникерса: ты не ты, когда голоден.

Бокал стал тяжелее в руке и приблизился к моему лицу. Когда я это заметила, то упрямо отставила его от себя подальше, отодвинув почти до края стола, будто расстояние могло остановить желание или обуздать страх. Или оба сразу.

Минут через десять дверь снова отворилась без стука, конечно, и служанка появилась с целой процессией слуг. Те несли подносы, на которых теперь уже позолоченные тарелки сверкали так, что впору было надевать солнцезащитные очки. Блюда на них выглядели, как банкет у Людовика Четырнадцатого, если бы тот вдруг решил полакомиться простецкой кашей.

На одной тарелке расплылся мягчайший паровой омлет, на другой были разложены ломтики чуть подсушенного ржаного хлеба, на третьей красовалось нарезанное яблоко и сыр. На отдельном блюде расположилась тарелка с кашей и небольшой соусник с медом. Однако, это был самый скромный завтрак из всех тех завтраков, что подают в тарелках с золотой оправой, на вышитых салфетках и с золотистыми приборами без единой ложки из серебра.

— Милостивая госпожа пожелала иной трапезы, — проговорила служанка с оттенком робости. — Мы исполнили пожелание, как смогли. К сожалению, вечером у нас недостаточно рабочих рук, чтобы приготовить нечто более выдающееся.

— Благодарю, — выдавила я, не сводя глаз с окруживших меня тарелок. Все это выглядело очень даже съедобно. По крайней мере, не пульсировало и подавало никаких признаков неестественности.

Я осторожно взяла ложку и зачерпнула кашу, наслаждаясь ее теплом и сладким вкусом. К стандартной долго развариваемой овсянке щедро добавили орехов и изюма, получилось прекрасно. Я проглотила первую ложку и тут же отправила в рот вторую, а следом за ней без особой паузы и третью. Затем взялась за хлеб, сыр и яблоко, отправляя в рот по кусочку всего. Спустя несколько снятых «проб» я принялась за омлет.

Еда исчезала с тарелок, как вода, разлитая в пустыне. Я ела быстро, жадно, при этом стараясь сохранить остатки графского достоинства — все-таки теперь отвечала за репутацию некой графини. Но мысль о том, что это все может быть иллюзией, ускользающей мечтой перед тем, как я проснусь в какой-нибудь палате, с капельницей и видом на хоспис, не оставляла.

— Ну, травить меня галлюцинация точно не станет, — пробормотала я себе под нос, продолжая грызть яблоко так, что оно хрустнуло на всю залу.

Глава 11. По усам текло, да в рот не попало

Слуги стояли в ожидании, наблюдая почти за священнодействием. Или ждали, пока я все-таки пойму подвох. И подвох действительно был. Я осознала его существование где-то между второй порцией каши и третьим ломтиком хлеба.

Я съела столько, что при обычных обстоятельствах уже валялась бы в углеводной коме. Но чувство голода не ушло. Совсем. Оно даже не притупилось, даже наоборот — заметно усилилось. Дыра где-то глубоко внутри меня, ощущалась все четче, словно желудок был пустым ящиком, по которому кто-то тупо и монотонно стучал изнутри.

Тук. Тук. Тук.

Я замерла, держа ложку над тарелкой с недоеденной добавкой каши. Руки слегка дрожали. Во рту остался вкус меда, но теперь он не приносил ни капли удовлетворения.

— Все вкусно, — хрипло сказала я и решила задать вопрос, не слишком-то рассчитывая на ответ. — Но почему я все еще хочу есть?

Служанка, впрочем, уже перестала чему-либо удивляться и в очередной раз почтительно склонила голову:

— Возможно, милостивая госпожа не освоилась после долгого сна. Все придет со временем.

С каким еще временем?! Я уже съела больше, чем за два, а то и три дня своей обычной жизни. Но вслух я ничего не сказала, только откинулась на спинку стула, глядя на заметно опустевшие золотые тарелки, и сдавленно выдохнула.

Может, это не обычный голод. Может, тело действительно знает, чего хочет на самом деле. Я медленно повернула голову в сторону отставленного бокала. Он все еще стоял на краю стола, такой молчаливый и манящий. Вряд ли он был вкуснее сладкой свежей овсянки, но, возможно, хотя бы питательнее?

Я долго смотрела на бокал. Он стоял там, как олицетворение соблазна, вызова, проклятия и всего греховного разом. Густая, бордовая жидкость не шевелилась и никак себя не проявляла, но весьма отчетливо звала к себе.

— Ну, если уж я свихнулась, — пробормотала я, — то надо хотя бы играть роль достойно. Не зря же мне досталась главная. Будем пробовать все!

Слуги уже ушли, оставив меня одну в мрачной зале, где свечи трепетали, как нервные веки. Я медленно наклонилась вперед, зависнув будто над чашей с ядом, и обхватила бокал пальцами.

— За науку, — сказала я почти торжественно, как перед прыжком с обрыва. — И за гуманитариев, которым все это точно не снилось.

Я поднесла бокал ближе. Запах был странным и простым. Не пахло ни кровью, ни вином. Мне просто налили что-то плотное, теплое, как расплавленное, но не обжигающее железо и неведомые мне пряности, но при этом ни то ни другое.

Я закрыла глаза, стиснула зубы на мгновение, потом разжала их и осторожно, предельно аккуратно провела языком по поверхности жидкости.

Я не упала в обморок и не умерла. Ничего не загорелось, не зашипело, не вспыхнуло адским пламенем.

И это все?

На вкус напиток был никаким. Это оказалось не отвратительно и не вкусно, просто бессмысленно. Что-то отдаленно напоминающее томатный сок с каплей... ну, допустим, не будем вдаваться в подробности. С каплей чего-то солоноватого.

Я сделала первый глоток, уже настоящий, но пока еще маленький. И вот только тогда это что-то начало медленно растекаться по телу: сначала теплом по пищеводу, потом чувством

сытости в желудке, а потом все мои внутренние тараканы растопили во мне тихий камин с уютным огнем, так желанным в холодный день.

Насыщение пришло не сразу, но я почувствовала, как глухой, раздражающий голод, словно надоедливый комар, вдохнувший испарения от «Раптора», начал отступать. Как давление внутри, о котором я даже не думала, ослабло. Что-то внутри меня сказала: «Вот. Так-то лучше».

Я выдохнула и почти засмеялась, окончательно расслабившись благодаря чувству физического удовлетворения. Я согрелась и наелась только одним глотком этой жидкости. Что же мог сделать целый бокал?

— Ну вот, госпожа графиня... — пробормотала я себе под нос. — Поздравляю, ты приняла правила игры.

Я посмотрела в глубину бокала, обращаясь уже к нему:

— Посмотрим, кто теперь кого.

Я сделала еще один небольшой глоток, потом второй чуть более уверенный. Третий проглотила уже почти без внутреннего содрогания.

Жидкость все также не имела яркого вкуса, но насыщение теперь ощущалось отчетливо — в меня медленно вливалось тепло. Или сила. Или... лучше не думать. Не думать, что именно вливалось в меня.

Я поставила бокал обратно на стол, в нем осталась ровно треть неназванной жидкости.

— Хватит, — сказала я вслух. — Мы же культурные вампиры. Сдержанные.

Голос прозвучал тише, чем я ожидала, теряясь под потолком трапезной, где огромные тени от свечей лениво шевелились, как будто обсуждали меня.

И вот я сижу. В замке. В трапезной. В шикарном черном платье с бордовыми вставками. С корсетом, который все еще не дает вздохнуть на полную. После завтрака. Ночью. После пары глотков условной крови. В теле графини.

— И что дальше? — спросила я пустоту.

Та не ответила.

Я барабанила пальцами по столешнице. Мой мозг, без остатка рухнувший в это безумие, вдруг решил сделать паузу и предложить: «Ну раз ты тут, развлекайся. Только сама».

Я по-прежнему не проснулась в своей съемной квартире или хотя бы в больнице. Ничего из окружающих предметов не начало таять. Комната не растворялась в дымке. А значит...

— Надо как-то занять себя в этой готической пантомиме, — пробормотала я, подперев щеку рукой. — Или я начну разговаривать с портретами.

Но, кстати, почему бы и попробовать?

Глава 12. Собачий вальс

Я как раз задумалась, не сбегать ли мне в библиотеку и почитать, попытавшись проигнорировать воспоминание о жутковатом скрипе откуда-то из глубины книжного царства, когда за моей спиной бесшумно открылась дверь. Служанка передвигалась бесшумно, но я все-таки краем глаза заметила движение раньше, чем услышала обращение к себе.

— Милостивая госпожа, — раздался ее тихий голос. — Не изволите ли вы развлечься согласно своим обычаям?

Я медленно повернула голову, пытаюсь успеть придумать достойный ответ. Но, как происходило последние несколько часов, на этом поприще я с треском провалилась.

— Согласно моим? — переспросила я, приподнимая бровь. Возможно, этот мимический жест со стороны считывался как недовольство, но ничего подобного я в него не вкладывала. — А ты уверена, что у меня есть такие обычаи?

Она чуть склонила голову, но ее лицо не выразило ни тени иронии или недоумения. Все что я видела — это вежливая покорность, вряд ли такое можно сыграть, ежесекундно поддерживая образ.

— Разумеется. Все уже подготовлено.

«Подготовлено,» — это слово прозвучало тревожным набатом. Я не была уверена, что хочу знать, что именно, как и для чего подготовлено.

— А чем конкретно я, то есть она, — я махнула рукой в сторону воображаемой графини, — обычно развлекается?

Служанка на секунду задумалась или притворилась, что ей требуется что-то вспомнить:

— Слушает музыку. Прогуливается по зимнему саду. Наблюдает за охотой. Или ведет беседы с теми, кто просит милости.

Я зависла на последнем пункте, уже начиная путаться и в услышанных фактах, и в своих вопросах:

— Кто-то просит милости? У меня? У нее?

Служанка кивнула:

— Некоторые до сих пор молят вас. Остальные — уже нет.

Вот тут я почему-то вспомнила клетку с цепями в коридоре и зябко поежилась.

— Музыка, — быстро сказала я. — Хочу слушать музыку. Пусть будет что-то спокойное без молящих на фоне. И, желательно, без клеток! — поспешно добавила я на всякий случай.

— Конечно, миледи, — служанка на этот раз согнулась в полноценном поклоне. — Могу ли я проводить вас в зал для музыки? Или пожелаете, чтобы инструменты принесли сюда?

Я встала, едва не грохнувшись обратно на стул, потому что корсет неожиданно напомнил о себе жестким объятием. Если раньше в нем я еще могла передвигаться без боли, то теперь живот, забитый, как выяснилось, совершенно непитательной для меда едой, едва помещался в эти модные тиски.

— Проводите в зал, хочу оценить его внимательнее. Я, похоже, здесь, как в отпуске. Пора начать наслаждаться этим вынужденным отдыхом.

«Хотя бы до следующего приступа безумия,» — уже про себя добавила я. Или до пробуждения, если оно вообще когда-нибудь планирует случиться. Да и не таскать же бедным слугам за мной рояль все время...

Музыкальный зал встретил нас не так уж и враждебно. Пожалуй, даже, наоборот — он был уютным и теплым. Не физически, конечно, ведь тут еще не успели протопить камин, а по какому-то странному внутреннему ощущению, как будто здесь действительно играли совсем недавно и в целом всячески приятно проводили время в общении и наслаждении культурой.

Пыль, которую я точно помнила на рояле, исчезла, но едва ли магическим образом. Поверхность инструмента сияла так, что стало понятно, насколько скрупулезно и спешно кто-то начищал ее до блеска буквально в последние минуты перед моим повторным сюда визитом.

— Ну да, — пробормотала я себе под нос. — Видимо, милостивая госпожа нечасто выбирает музыку.

Служанка, не расслышав мою реплику (или продолжая старательно делая вид), жестом указала на одно из кресел у рояля.

Я посмотрела на него с подозрением. Кресло выглядело уютным, с мягкой обивкой и изогнутыми ножками, но я была почти уверена, что не помещусь туда со всеми своими слоями юбок, корсетом, подъюбником и внутренним драматизмом.

Но все-таки решив рискнуть, я осторожно опустилась в него и, к собственному удивлению, почти утонула.

— А вот это хорошо, — прошептала я, позволяя себе расслабить плечи и размять пальцы, уставшие от судорожного держания себя в тонусе.

Служанка склонилась в очередном легком поклоне, я уже даже сбилась, в каком по счету:

— За музыкантом уже послали, милостивая госпожа. Он прибует с минуты на минуту.

Я сдержанно кивнула, временно потеряв дар речи от комфортного кресла.

Что ж, пусть идет музыкант. Отлично. Всего-то еще один участник моего безумного бал-маскарада. Интересно, кто он? Призрак оперы? Полуразложившийся композитор из готического бестиария? Или просто молчаливый юноша с безумным взглядом и страстью к органу?

Хотя тут вроде бы стоял только рояль. Значит, орган отпадает. А вот кем мог оказаться юноша — кто знает.

Я позволила себе откинуться назад на мягчайшую спинку кресла, с интересом глядя в высокий потолок с лепниной и старинной люстрой, которая двигалась, будто под легким сквозняком. Да, это вам не мой скучный белый потолок в привычной квартиры — на нем уж точно нечего рассматривать.

Но одним потолком сыт не будешь, поэтому мне уже становилось все более интересно узнать, какой у нас тут ожидался концерт по заявкам.

Но судя по зловещей тишине в зале, музыкант решил не приходить вовсе. Или его съели, что, честно говоря, тоже не исключалось, учитывая, в чьем доме он работал — вдруг тут и кроме меня были вампиры.

Я сидела в огромной гостиной, практически один на один с громадным, черным, как репутация моей новой личности, роялем. Он выглядел весьма угрожающе, как будто стоило мне к нему подойти, он тут же захлопнется и откусит пальцы по локоть. Или хотя бы поглотит душу целиком.

— Его, наверное, задержали, — неуверенно сказала служанка, краем глаза наблюдая за мной и явно опасаясь, что я превращусь в летучую мышь и улечу в люстру, громко вопя при этом. Ну, или запрыгну на рояль верхом, заверещав арией из ада. Я бы на ее месте уже тоже предположила всякое.

— Ничего страшного, — театрально вздохнула я, уже неплохо вписываясь в предоставленный образ. — Как говорили у нас в музыкалке: «Если музыкант опаздывает, значит, будет концерт».

В порыве то ли вдохновения, то ли собственной глупости я не без труда выбралась из обволакивающего кресла и подошла к роялю. Пальцы сами собой коснулись клавиш, и я чуть не вздрогнула — инструмент оказался идеально настроенным. Настолько идеально, что мне даже стало обидно: мой школьный рояль всегда звучал так, будто в нем застряла крыса.

Ну что, Маш, хотела бы удивить викторианскую публику?

Улыбнувшись себе, я села на банкетку поудобнее, вздохнула поглубже и на одном дыхании сыграла собачий вальс.

Ударил сразу по всем чувствам – и по слуху, и по самолюбию всех привидений, которые могли обитать в замке. И, если быть честной, немного по здравому смыслу. Но уж очень хотелось пошалить. В конце концов, я тут как бы и умерла, и воскресла, могу себе позволить.

Служанка застыла у стены, словно кто-то нажал на паузу на пульте, управляющим ею. Только глаза у нее бегали туда-сюда, как у перепуганной мышки. Я украдкой на нее поглядывала, на случай если она решит упасть в обморок или кинуться на рояль, чтобы спасти его честь. В первом случае нужно было спасать ее, во втором — меня или рояль, смотря кто в тот момент показался бы мне более важным

— Простите, — наконец выдала она, когда я закончила с финальным «дзынь» и склонилась перед своей немногочисленной публикой, как звезды на сцене Большого театра. — Вы... вы ведь раньше никогда...

— Не играла? — подхватила я. — О, конечно. Только если в прошлой жизни. Или если под «играть» считать танцы на нервах. Это я умею.

Глава 13. Элементы хоррора в комедии положений

В этот момент в дверь, запинаясь о ковер и задыхаясь, влетел юноша лет шестнадцати. Светлые волосы, лихорадочно блестящие глаза, пальцы в чернилах, манера держать ноты как священные писания — типичный студент музыкального училища из двадцать первого века. Только без телефона и кофейного стаканчика.

Увидев меня за роялем, он остановился, словно наткнулся на самого Люцифера. Потом медленно сполз на колени, живым ковром растягиваясь у моих ног.

— Миледи... простите... я опоздал! Нет, я... — Он судорожно сглотнул, заикнулся, посмотрел на рояль, потом на меня, и, кажется, решил, что ему срочно нужно исповедаться и сменить профессию.

— Вставай, — сказала я, стараясь не рассмеяться. — Пришел — уже хорошо.

Он моргнул. Я моргнула в ответ. Служанка окончательно потеряла дар речи.

— А теперь иди, играй что-нибудь приличное, а то у меня в голове застрял этот вальс, и если он не выйдет сам, я его вышибу другим Бетховеном. Или чайником.

Юноша кивнул, метнулся к роялю как снаряд, и начал играть. Прекрасно, легко, профессионально. А я, подперев щеку рукой, наслаждалась не столько музыкой, сколько тем, что, похоже, моя новая (не)жизнь будет точно не скучной.

Я откинулась на спинку кресла, позволив себе роскошь: хотя бы пару минут просто слушать красивую музыку. Мальчишка играл ловко, с тем восторженным вдохновением, которое бывает у юных гениев и у безумцев на грани. К счастью, он, похоже, принадлежал к первым. Или к тем, кто еще не понял, что граница между этими двумя типажам тоньше, чем ткань моего турнюра.

Рояль звучал чисто, звонко, по-настоящему красиво. Музыка закручивалась вокруг, ложилась волнами на ковры, ласкала уши и даже немного укачивала, как море в день, когда оно решило быть добрым. Я прикрыла глаза и представила себя не в готической гробнице с колоннами и вампирским приветом, а где-нибудь в уютной кофейне, с книгой в одной руке и капучино — в другой. Только вместо капучино у меня сейчас был переполненный множеством вкусных блюд желудок, полбокала выпитой крови, тугой корсет и уверенность, что если я чихну, то порву три слоя кружева.

Но, черт возьми, даже это не мешало мне наслаждаться моментом. Даже наоборот: в какой-то извращенной, сюрреалистической манере все происходящее обрело эстетику. Завтрак — как с открытки, музыка — как из дорогого аудиогида, даже этот зал, с камином, тяжелыми шторами и мебелью, которую вряд ли поднимет кто-нибудь без лошади, — все это выглядело настолько «по классике», что можно было бы написать под кадром: муд — викторианский декаданс, тревожно, но красиво.

Я усмехнулась. Ну надо же. Даже в собственном бреде я умудрилась наслоить эстетику поверх катастрофы. Типа если ты не можешь сбежать из мрачной галлюцинации, пусть она хотя бы будет атмосферной.

Я почти расслабилась. Почти.

Потому что ровно в тот момент, когда мелодия скатилась в особенно лирическую ноту, я услышала смех.

Детский.

Легкий, звонкий, как и принято говорить, переливающийся, словно колокольчики. Колокольчики, которые смеются в лицо здравому смыслу.

Я резко распахнула глаза и выпрямилась, всем телом превратившись в антенну. Мальчик у рояля продолжал играть, безупречно, будто ничего не произошло. Служанка стояла неподвижно, как восковая фигура в музее тревожной аристократии. Но я-то слышала смех. Корот-

кий, радостный, как будто кто-то прятался за занавесками и наблюдал за нами, сдерживая хихиканье.

Я оглянулась.
 Никого.

Галлюцинация решила добавить в сценарий хоррор. Отлично, значит, теперь у нас в программе: тело чужой графини, жесткий корсет, возможно, проклятие, и в качестве фона — воображаемые дети. Кто-то явно вдохновлялся старой доброй викторианской готикой с прикусом психиатрии.

«Может, это просто воспоминание? — подумала я почти вслух. — Звук из прошлого, какой-то след, фрагмент того, что было. Ведь у графини мог быть ребенок. Или дети. Или что похуже».

Мурашки поползли по спине, дружным маршем. Я поежилась, поправила шаль, словно это могло помочь.
 — Вы слышали? — пробормотала я, не слишком надеясь на ответ.

Служанка посмотрела на меня странно, не до конца осознав вопрос, а потом слегка покачала головой. Нет, не слышала.

А мальчик за роялем продолжал играть — ни один аккорд не дрогнул. Музыка сама по себе ограждала его от странностей этого мира.

Я, впрочем, начала подозревать, что меня оградили куда хуже. И что моя новая «жизнь» — или посмертие? — только начинает распаковываться. Как подарок в красивой коробке, внутри которой лежит что-то, что смеется и дышит.

Смех повторился. Уже не такой легкий, не такой короткий. Он как бы перекатился по залу, коснулся занавесей, зацепился за лепнину и скользнул в мою сторону, как дуновение сквозняка, только без сквозняка.

Я подскочила на ноги, будто кто-то ткнул меня в спину.
 — Так, все, нет, — прошептала я почти беззвучно, озираясь. — Я либо совсем сошла с ума, либо... сошла с ума, но уже в более пугающей стадии.

Глава 14. Детки в клетке

Секунда, и раздался стук. Глухой, как если бы что-то упало где-то на втором этаже. Или на чердаке. Или в моей бедной многострадальной голове. За ним — торопливые шаги. Детские. Звонкие, быстрые, и, судя по звуку, босые. Они пробежали по потолку и растворились, но только для того, чтобы вернуться чуть позже, уже с хихиканьем.

Теперь музыка, казавшаяся секунду назад прелестной, вдруг зазвучала как в фильме ужасов. Тонкая, искусная мелодия стала похожа на натянутую проволоку — хрупкую, вибрирующую, от которой вот-вот сорвется крик.

Юноша за роялем, похоже, не заметил ни звуков, ни моей паники. Он продолжал играть, с лицом сосредоточенным и вдохновенным, как будто в этот момент ничего, кроме музыки, для него не существовало. Может, правда не слышал. А может, был одним из них. Честно говоря, я уже ничего не исключала.

Служанка все еще стояла у стены, скромно опустив взгляд, но я уловила, как ее глаза — быстрые, внимательные — мелькнули в мою сторону. Она явно заметила, как я подскочила, заметила, как у меня дрожат руки и напряглись плечи, но хранила молчание. Наверное, у аристократов не принято спрашивать, почему хозяйка внезапно выглядит так, словно услышала голоса мертвых. Или детей. Или мертвых детей.

— Все в порядке, миледи? — негромко спросила она, голосом ровным, почти равнодушным, но явно делая усилие над собой, чтобы не сбежать отсюда с криком.

— Конечно, — выдохнула я. — Просто музыка тронула душу и нервы. И, возможно, где-то там мой здравый смысл, который уже машет мне белым флагом из подвала.

«Ты в порядке, Маша?»
«Нет, не в порядке, я в теле графини в доме с акустическим полтергейстом и юным Шопеном, который, кажется, играет заклинание для вызова кого-то совсем не милого».

Мелодия тем временем усилилась, звук стал гуще, как будто стены тоже начали слушать. И, возможно, ждать.

Я отошла от кресла, не спуская глаз с верхней части зала, с балкона и проема, ведущего к лестнице. Там, в глубине, на краю тени, словно что-то мелькнуло.

И тут я поняла: если уж мой разум сумел нафантазировать вампиров, почему бы ему не добавить призраков? С логикой, конечно, у меня давно были натянутые отношения, но даже я понимала: это уже не просто игра воображения.

Это предупреждение. Или приглашение.

— Простите, — сказала я, сдерживая дрожь в голосе. — А в этом доме бывают дети?

Служанка моргнула. Медленно подняла на меня взгляд. И после паузы, чуть длиннее обычной, прошептала: — Бывают миледи.

Я уже собралась задать служанке еще пару вполне резонных — для шизофреника — вопросов, как дверь в зал вдруг распахнулась с грохотом, и внутрь ворвался ураган в детском облики.

— У-у-у! — заорал кто-то на бегу.

— Лети-и-им! — подхватил второй голосок, звенящий, как колокольчик.

В комнату вбежали двое малышей — светловолосый мальчик лет пяти с вихром на затылке и девочка постарше куклы, младше здравого смысла — года три, не больше. На ней — кружевное платьице, чуть помятое от особенно увлеченных игр, в руках — что-то вроде плюшевого зайца с подозрительно изогнутой шеей. Мальчик тащил за собой деревянную лошадку на колесиках и одновременно пытался ею с кем-то драться.

Они были безумно живые. Настолько, что даже я растерялась: ну ладно звуки, ладно призрачная тень — но дети? С румянцем на щеках, пылом в глазах и этими... крошечными босыми пятками, по-настоящему громко шлепающими по полу?

Я не успела сказать ни слова — да, честно говоря, просто забыла, как дышать, — потому что они, вбежав, застыли как вкопанные, едва увидели меня.

Словно налетели на стеклянную стену.

Улыбки исчезли с их лиц мгновенно, будто кто-то стер их с полотна.

Мальчик медленно опустил игрушку. Девочка распахнула глаза, как фарфоровая кукла, и губы ее задрожали.

— Н-не надо... — прошептала она срывающимся голосом, и, прежде чем я успела вымолвить хоть слово, — заплакала. Тихо сначала, сжав губки, потом всхлипнула, потом еще, и вот уже слезы катились по ее щекам, и она прижимала к себе зайца, будто тот мог ее спасти.

Я стояла столбом, вытянувшись, как дирижер перед немым оркестром, только палочки у меня не было, и ощущения уверенности — тоже.

Юноша у рояля замер на финальной ноте, скорее от неожиданности, чем по моей просьбе. Служанка ахнула и кинулась к детям, но остановилась в полушаге, бросив испуганный взгляд на меня. Так, будто и сама не знала, чего боится сильнее — моих вопросов или того, что только что увидели эти дети.

— Все хорошо, малыши, это же... — Она замаялась. — Это леди... ваша... Это леди Мэри.

Имя прозвучало как пощечина.

Дети вздрогнули. Девочка всхлипнула громче. Мальчик потянул ее за руку, и они, не оглядываясь, рванули прочь так быстро, будто за ними гналось само проклятие.

Дверь хлопнула.

Глава 15. Новые знакомые

Рояль молчал. Служанка стояла, опустив плечи. Я — тоже. Только теперь с ощущением, что кто-то очень нежно, но очень настойчиво потянул меня за воротник и шепнул в ухо:

«Ты думаешь, это игра, Маша? Думаешь, сказочка? Добро пожаловать в реальность. Или в ту ее часть, которую ты не просила».

Не успела дверь как следует захлопнуться, как вслед за детьми вбежал мужчина — высокий, сухощавый, с выправкой, как у почетного караула. На нем был строгий черный сюртук, жилет, идеально выглаженный белый воротник и перчатки, сжаты в руке. Возраст — неопределимый: могло быть и пятьдесят, и семьдесят, но в нем не было ни одной дрожащей ноты — все четко, собранно, по линейке.

Он слегка запыхался — и все равно вошел, почти командуя балом. Или армией. Или английским климатом.

Его взгляд скользнул по детям, которые остановились в коридоре, затем он посмотрел на служанку, и, наконец, остановился на мне.

Глаза у него были светлые, пронизывающе спокойные — те, которыми обычно смотрят хирурги, перед тем как предложить анестезию или распятие.

— Миледи, — ровно произнес он, чуть склонив голову. — Простите, я не ожидал, что вы будете здесь. Вы столько спали. Да и утро почти наступило.

Он сказал это так, как будто утро было какой-то особенной вехой, каким-то предупреждением — не по времени суток, а по состоянию мира? Фазе луны? Графику питания вампиров?

Я моргнула. Потом еще раз. Глаза все видели, но мозг до сих пор не верил происходящему.

Мужчина перевел взгляд на служанку, как бы спрашивая, не она ли опять забыла подать снотворное тигру. Та, немного поежившись, пожала плечами, будто говорила: «Я сама все вижу впервые».

Мужчина шагнул вперед, отрезая мне путь к коридору и к детям, прикрыв их собой, будто я вот-вот достану из-под юбки арбалет и начну стрелять. Или укушу. Эй, ну ладно, может, у меня был голодный вид, но не настолько же.

— Простите за вторжение, миледи, — сказал он с безупречным поклоном. — Я и подумать не мог, что вы будете в зале. По обыкновению, в это время вы готовитесь ко сну.

«Ко сну? — отозвался внутренний голос. — А я-то, наивная, думала, у них тут все гуляют по утрам с жареными каштанами и газетами. Нет, они, видимо, ночами живут, а по утрам — исчезают в гробах. Или склепах. Или в душе с лавровым маслом, кто знает».

Я оглядела этот квартет перед собой: дворецкий, похожий на британский флаг, только с морщинами; дети, явно не ожидавшие меня здесь увидеть, и служанка, пляшущая в пол, будто он интереснее всего происходящего.

— Так, — сказала я с максимально дружелюбной улыбкой, которая могла бы растопить лед. Или добить и без того гнетущую атмосферу неловкости. — Кто-нибудь объяснит мне, почему я чувствую себя чудовищем из шкафа, и почему утро звучит как угроза?

Юноша за роялем замер. Его руки все еще висели над клавишами, но ни одна нота не прозвучала. Он был как живой памятник «Музыка против паники».

Молчание повисло тяжелое, с нотками бархата и паранойи.

И у меня вдруг возникло дикое, совершенно идиотское желание — засмеяться. Потому что если не смеяться, то, кажется, придется серьезно признать, что не только я существую в этой странной новой реальности, но и дети, и дворецкий, и этот рояль, и даже наступающее «утро», которое, судя по тону, могло оказаться последним в моей новой нежизни.

— Что именно вы хотите знать, миледи? — уточнил дворецкий с безупречной вежливостью, словно я просила не объяснений странного ночного режима, а рецепт лимонного бисквита.

— Все, — с нажимом ответила я. — Вот буквально все. Со всеми деталями. С подписями и схемами, если можно.

Он слегка склонил голову, как будто решил: ладно, если уж она и вправду сошла с ума, то хотя бы делает это организованно.

— Дети, — произнес он, обернувшись к ним. — Возвращайтесь в свои комнаты.

Я посмотрела на малышей и качнула головой:
 — Нет-нет, пусть останутся. Раз уж мы все тут собрались — давайте уже по-настоящему. Присаживайтесь. Все. Где хотите. Ну, почти. Только не на рояль.

Я махнула рукой в сторону кресел и дивана — этот угол гостиной как раз создавал уютную импровизированную гостиную в гостиной. Многослойный викторианский уют с налетом таинственности — прям как все тот же пинтерест, только с призраками.

— Я не знаю, какие здесь раньше были правила, — сказала я, — но, похоже, теперь придется придумывать новые.

Дети, все еще в нерешительности, переглянулись, и, в конце концов, робко опустились на край дивана. Девочка вцепилась в плюшевого зайца, словно он был единственным, кому можно доверять в этом доме (и, между прочим, она была недалеко от истины). Мальчик уселся рядом, вытянув спину, как маленький джентльмен, но губы у него все равно подрагивали.

Дворецкий с некоторой заминкой сел чуть поодаль от них, сохраняя идеальную осанку и вид человека, который готов управлять хоть поместьем, хоть внезапной психотерапевтической сессией при свечах.

Служанка, слегка поеживаясь, заняла место ближе к роялю, будто инстинктивно искала, за чем бы спрятаться, если ситуация выйдет из-под контроля. Музыкант не шевелился, но теперь держал руки на коленях, осторожно скользя взглядом между всеми собравшимися.

Я вернулась в свое кресло и — о, сюрприз — оказалась довольно близко к детям. Они переглянулись и, кажется, невольно придвинулись друг к другу еще плотнее. Девочка прижала ушки зайца к щекам, как будто тот что-то шептал ей успокаивающее. Мальчик старался держать себя в руках, но время от времени глядел на меня с такой серьезностью, будто собирался объявить: «Я буду защищать сестру. Даже если вы чудовище».

Повисла пауза.

Такая насыщенная, как старинное вино. Или как атмосфера в фильме, где за кадром тихо начинается скрип качелей — и ты знаешь, что ничего хорошего не будет.

Глава 16. Обсудим ответственность?

Я вздохнула и оглядела всех по очереди: дворецкого, служанку, детей. Музыкант в кадр не входил — он сидел как фон, но при этом фон напряженно внимательный, будто был на подработке у разведки.

— Ну, — я чуть наклонилась вперед и заговорила мягко, но с толикой иронии, — кто-нибудь начнет, или мне снова сыграть что-нибудь не слишком трагичное, чтобы вдохновить?

Мальчик чуть вздрогнул.

Девочка всхлипнула.

Служанка судорожно сложила руки на коленях.

А я поняла, что если кто и станет диктовать новые правила, то придется начинать с себя.

— Начнем с простого, — тихо сказала я, сцепив пальцы на коленях. — Почему вы сказали, что скоро утро и почему это звучит как конец света?

Дворецкий, сохранив невозмутимость, чуть склонил голову, как бы прислушиваясь, не шутка ли это. И, убедившись, что нет, осторожно уточнил:

— Простите, миледи, вы действительно ничего не помните?

Я чуть повернула голову, избегая его взгляда, но все же кивнула:

— Скажем так, кое-что, возможно, забылось. Но сейчас мне нужно не вспоминать, а понять. Так что, если не возражаете — давайте начнем с ответов.

Он не сразу заговорил, подбирая слова, чтобы не выдать то, что слишком страшно говорить вслух.

— Разумеется. Миледи всегда вела ночной образ жизни. Это было предпочтением, — произнес он аккуратно, будто балансируя между правдой и лояльностью. — Утро, как и день, и ранний вечер до наступления полной темноты — не время, когда вы бодрствуете. Или, по крайней мере, не появляетесь.

Я приподняла бровь:

— Почему? Утренний чай не в моде?

Он чуть отвел глаза и продолжил, все тем же мягким, почти академическим тоном:

— Солнце причиняет вам нестерпимую боль, миледи. Оно обжигает вашу кожу. Даже рассеянный дневной свет невыносим. Поэтому, как правило, к рассвету вы удаляйтесь в покои. Для восстановления сил.

— Ага, — пробормотала я, почти механически. — Ну конечно. Классика. Стереотип номер один: солнце — враг.

И все же, что-то внутри меня не давало покоя. Слишком гладко. Слишком по сценарию. Я не в реальности, а в фанфике на тему «викторианская вампирша и амнезия». Не то чтобы у меня были лучшие объяснения, но вдруг захотелось кое-что проверить.

— Распахните занавески, — сказала я. Ровно. Без истерик. Без ужимок. Просто — как приказ.

Служанка вздрогнула.

— Миледи?... — неуверенно уточнила она, и ее глаза метнулись к дворецкому, будто ища поддержки.

— Все в порядке, — я даже попыталась улыбнуться. — Мне просто интересно.

Несколько секунд она колебалась, потом медленно поднялась и подошла к окну. Потянула за тяжелую ткань — и солнечный свет хлынул в комнату, прорезав полосу через резной ковер, зацепив кромку рояля и отблеснув на лакированных ножках кресел.

Я осталась в тени, не делая ни шага вперед. И все же сердце запульсировало быстрее.

Свет действительно выглядел ярко. Слишком ярко. Тепло от него чувствовалось даже на расстоянии. Но никакой боли, никакого звериного страха я не ощущала. Только осторожное любопытство. И тревогу — не изнутри, а внешнюю, чужую.

Я пристально смотрела на узкую солнечную дорожку, уже доползшую до ножки ближайшего кресла.

— Интересно, — пробормотала я. — Скажите, это вы сами решили, что солнце меня жжет? Или это проверяли?

Повисла тишина. Даже дети не шевелились.

А у меня в голове уже закрутилась следующая мысль: а вдруг все, что мне говорят — всего лишь часть спектакля, а я даже не знаю, кто именно здесь автор сценария.

— Простите, миледи, но все, что вы говорите... — Дворецкий стоял прямо, словно на плацу, — не может быть поставлено под сомнение. Ваше слово — истина. Мы не задаем вопросов. Мы следуем.

Я медленно поднялась с кресла, скользнув взглядом по детям — те притихли, прижавшись друг к другу и к игрушкам, словно мы и правда обсуждали что-то вроде надвигающегося конца света.
 Подошла к окну. Осторожно, сбоку. Не в сам солнечный луч — просто ближе.
 Мне не было страшно. Но и спокойно тоже не было.

Это чувство... как перед тем, как прыгнуть в холодный бассейн: ты уже решил, уже стоишь на краю, но почему-то все еще не прыгаешь. Тянешь секунду. Две.

И вот я зажмурилась — по-детски, как будто от этого точно ничего не случится — и вытянула руку вперед. Аккуратно, чтобы солнечный свет коснулся только указательного пальца.

Никакой боли.
 Никакого шипения кожи.
 Никакого драматичного дыма, как в кино.

Я приоткрыла один глаз. Мой палец был обычным.
 Открыла второй, медленно повернула кисть, подставляя ее целиком под солнце. Жарковато. Но по-летнему. Даже приятно — как на даче у бабушки в июле, когда идешь по раскаленной тропинке к речке.

Пару секунд колебалась, а потом шагнула вперед — и оказалась в полном свете.

Из-за спины раздался «ах» — то ли испуганный, то ли восторженный. Это служанка.
 Но ничего не случилось. Абсолютно.
 Разве что я мгновенно вспотела — все эти корсеты и слои ткани были явно не предназначены для солнечных ванн.

— Ну вот, — пробормотала я, глядя на теплый пол под ногами. — Нормальное солнце. Никакого ада. Никаких языков пламени. Просто солнце.

Я развернулась и вернулась в тень, но уже спокойно, без напряжения.

Значит так.
 Отражения у меня нет — один ноль в пользу вампиров.
 Наедаюсь пока только кровью, но по вкусу хочется бутерброд с сыром и кофе, значит, ничья.
 А с солнцем, кажется, у нас победа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.